

Зимние каникулы тянулись в бесконечной, однообразной тишине. Се Хуайде почти привык к этому почти неподвижному существованию, окутанному теплом и безмятежностью. Он полагал, что зима так и пройдет — спокойно и гладко, вплоть до самого начала занятий, когда придется вернуться в класс, где есть Сюй Чжися, раздражающий и при этом невозможный для игнорирования.

Однако он ошибся.

Этим утром, еще не успев толком проснуться от тревожного сна, он был разбужен.

— Сяо Де, просыпайся, сегодня поедem к тете Чэнь. — В голосе матери сквозила едва уловимая нотка возбуждения.

Се Хуайде нахмурился и глубже зарылся лицом в подушку, невнятно протестуя:

— ...Не хочу.

— Ну что ты за ребенок! Мы же едем к тете Чэнь, помнишь ее? Моя лучшая подруга, она часто нянчила тебя, когда ты был маленьким. Она специально прилетела из-за границы, чтобы повидаться с нами. — Мать терпеливо уговаривала его, уже подбирая одежду. — Вставай скорее, собирайся, мы должны быть там до полудня.

— Ой, не поеду, — Се Хуайде почти насильно вытащили из-под одеяла. Он был сонный, растрепанный и полон нежелания куда-либо идти.

Мать, не обращая внимания на его сопротивление, натянула на него одежду и сверху — теплый пуховик.

Се Хуайде, закутанный в слои ткани, выглядел по-прежнему бледным, а в его глазах читалась утренняя рассеянность и раздражение от того, что привычный ход его жизни был нарушен.

Собравшись, он вместе с родителями вышел из дома и сел в машину. Автомобиль выехал со двора и влился в поток транспорта.

Се Хуайде прислонился к окну, наблюдая за проносящимися мимо голыми ветвями, покрытыми инеем, и спешащими куда-то прохожими. На душе было пусто, и к предстоящей встрече с тетей Чэнь он не испытывал ни малейшего интереса.

В конце концов машина въехала на территорию элитного коттеджного поселка с ухоженной зеленью и остановилась перед лаконичным, но внушительным особняком.

После того как они позвонили в дверь, ее быстро открыли. На пороге стояла женщина средних

лет с мягкими чертами лица и светлой улыбкой. Увидев мать Се Хуайде, она тут же раскрыла объятия для приветствия.

— Наконец-то добрались! На улице ведь холодно? Заходите скорее греться!

— Сестра Чэнь! — Мать Се Хуайде рассмеялась и обняла ее в ответ.

Женщины принялись тепло обмениваться любезностями, как вдруг взгляд тети Чэнь упал на Се Хуайде, стоявшего за спиной родителей с отсутствующим выражением лица. Ее глаза радостно блеснули.

— Ой! Это ведь Сяо Де? Как же ты вырос! В прошлый раз, когда я тебя видела, ты был совсем крохой! — Тетя Чэнь шагнула вперед и, потянувшись, инстинктивно хотела погладить его по голове, но Се Хуайде отпрянул.

Рука тети Чэнь зависла в воздухе. Она ничуть не смутилась, лишь улыбнулась и опустила руку, глядя на юношу с нескрываемой теплотой и ностальгией:

— И правда, я совсем забыла, что наш Сяо Де уже стал большим. Заходите, заходите, не стойте на пороге.

Они прошли в теплый дом. Гостиная была просторной и светлой, оформленной в современном стиле, но с изящными деталями.

— Чжися! Гости пришли, спускайся поздороваться! — крикнула тетя Чэнь в сторону лестницы.

Се Хуайде, которому мать как раз помогала снять тяжелую куртку, при звуках этого имени резко замер.

Чжися?

Он инстинктивно поднял голову.

Сюй Чжися в темно-сером домашнем костюме спускался по лестнице. Он тоже, по-видимому, встал недавно: волосы были немного растрепаны, а лицо — бесстрастно. Заметив семью Се Хуайде, он на мгновение остановился, в его глазах промелькнуло едва уловимое изумление, которое тут же сменилось привычным спокойствием.

Он спустился и вежливо поклонился родителям Се Хуайде:

— Дядя, тетя.

— Ой, так это же тот самый мальчик, который живет напротив Сяо Де? Оказывается, это Ся Ся! Боже мой, а я еще думала, почему лицо такое знакомое, здравствуйте, здравствуйте.

Отец Се Хуайде тоже кивнул с улыбкой.

Тетя Чэнь подозвала Сюй Чжися, перевела взгляд на Се Хуайде и сказала его матери:

— Представляешь, они ведь даже в одной школе учатся! Посмотрите на них, в детстве вместе играли, а сейчас, небось, и не помнят ничего.

Мать Се Хуайде рассмеялась:

— У Сяо Де память девичья, наверняка уже ничего не помнит.

— Ну нельзя же так говорить, вдруг они в школе хорошо ладят, — тетя Чэнь, словно припомнив что-то забавное, обратилась к Се Хуайде: — Сяо Де, ты в детстве так сильно к нашему Чжися привязался, все ходил за ним хвостиком и звал братик, братик, такой послушный был. Однажды ты упал, расплакался, и никто не мог тебя успокоить, кроме Чжися — пока он тебя не обнял, ты так и не перестал реветь. Помнишь?

Се Хуайде стоял неподвижно, его тело словно одеревенело. Братик? У него не было ни единого воспоминания об этом. Он смотрел на Сюй Чжися — чуть выше его самого, с холодным и отстраненным выражением лица — и в голове была абсолютная пустота. Те далекие сцены близости, о которых говорили взрослые, казались ему такими же чужими, как истории из жизни совершенно посторонних людей.

Он невольно посмотрел на Сюй Чжися.

Тот тоже смотрел на него. В глазах Сюй Чжися не было ни ряби, он словно остался равнодушен к воспоминаниям матери — или, возможно, он помнил все с самого начала?

Сердце Се Хуайде пропустило удар. Детали, которые он раньше упускал из виду, теперь одна за другой всплывали в памяти: те мимолетные жесты Сюй Чжися, словно он хорошо его знал; та фраза про бумажных бабочек, которые требуют спокойного сердца; тот обезболивающий пластырь, который таинственным образом появлялся и исчезал...

Неужели все это было потому, что они были знакомы с самого детства?

А он из-за своей проклятой потери памяти забыл обо всем?

Чувство, в котором смешались абсурд, неловкость и глубокое смятение, мгновенно охватило его. Он стоял, чувствуя себя лишним чужаком, ворвавшимся в чужие воспоминания. Его сосед

по парте, которого он считал своим соперником и который его так раздражал, возможно, владел той частью его собственной истории, которая была для него навсегда утеряна.

Тетя Чэнь продолжала с улыбкой рассуждать:

— Время летит так быстро. Вроде бы только вчера были детьми, а теперь оба такими взрослыми стали. Жаль, что я не смогу задержаться надолго, а то обязательно заставила бы их общаться побольше.

Сюй Чжися молча стоял в стороне, его взгляд упал на губы Се Хуайде, которые тот от шока и растерянности плотно сжал. В глубине глаз Сюй Чжися что-то неуловимо дрогнуло.

Казалось, этой зиме суждено перестать быть спокойной.

Мать Сюй Чжися пригласила всех сесть на диван. В гостиной было тепло, как весной, и этот мир казался совершенно не связанным с зимней стужей за окном. В воздухе витал аромат черного чая и свежего печенья, смешиваясь с оживленным разговором двух матерей, которые давно не виделись.

Однако Се Хуайде чувствовал себя так, будто стоял в ледяном погребе; руки и ноги онемели. Он безвольно сидел на диване, а мать нежно приобняла его за плечо — то ли оказывая безмолвную поддержку, то ли опасаясь, что он в любую секунду может сорваться и уйти.

Тетя Чэнь разошлась, не в силах остановиться, и, хотя обращалась к матери Се Хуайде, ее взгляд то и дело с любовью падал на Се Хуайде и стоящего неподалеку Сюй Чжися.

— Да, тогда мы жили совсем рядом. Сяо Де был таким послушным, таким привязчивым, все любил бегать за Чжися. Чжися в то время был неразговорчивым, как бука, но к Сяо Де проявлял удивительное терпение, — тетя Чэнь улыбнулась, покачала головой и отпила чаю. — Однажды Сяо Де настоял на том, чтобы поиграть с авиамоделью Чжися, но не удержал и сломал ее. Он так испугался, что сам первым заплакал, обхватил ногу Чжися и твердил: братик, я виноват, братик, я виноват. Чжися тогда был в полном замешательстве, но в итоге сам же его неуклюже утешал.

Мать Се Хуайде не смогла сдержать улыбки:

— И правда, было такое! Позже ты даже специально купила новую модель для Чжися, сказав, что наш Сяо Де не должен чувствовать себя виноватым.

— Еще бы! — рассмеялась тетя Чэнь и посмотрела на Сюй Чжися. — Чжися, ты помнишь? Ту сломанную модель, ты ведь потом хранил детали в коробочке, говорил, что починишь, когда научишься.

Сюй Чжися, все еще стоявший у лестницы, едва заметно дернул веками. Он не смотрел ни на кого, лишь тихо, почти неслышно, ответил:

— М-м.

Лицо его оставалось бесстрастным, но пальцы рук, опущенных вдоль тела, едва заметно сжались.

Эта крошечная реакция больно отозвалась в душе Се Хуайде.

Он изо всех сил пытался найти в своей памяти хоть какие-то осколки воспоминаний. Но там была лишь густая, удушающая пустота. Ни про тетю Чэнь, ни про авиамодель, ни про самого себя, бегущего за кем-то с криком братик... Все то, о чем другие говорили с такой теплотой, для него было абсолютно чужой территорией.

Чувство абсурда и отчуждения накрыло его с головой. Он был как сторонний зритель, наблюдающий за тем, как другие разыгрывают сцены из его собственной, но совершенно незнакомой ему жизни. Бессилие и паника, вызванные амнезией, еще никогда не были такими острыми.

Он резко опустил голову, избегая чужих взглядов, и вцепился пальцами в диванную подушку. В груди словно что-то застряло, дышать стало трудно. Знакомое ледяное чувство усталости снова нахлынуло, едва не поглотив его целиком.

— Сяо Де? — Мать заметила неладное и с тревогой тихо позвала его, погладив по спине.

Тетя Чэнь тоже прервала свои воспоминания и обеспокоенно посмотрела на него:

— Сяо Де, тебе плохо? Почему ты такой бледный?

— Н-нет, все в порядке, — выдавил Се Хуайде сквозь зубы. Его голос звучал сухо и хрипло. Он заставил себя поднять голову и выдавить из себя подобие улыбки, которая вышла болезненной и почти искаженной. — Наверное, просто... немного душно.

Ему был нужен воздух. Ему нужно было уйти отсюда.

Взгляд Сюй Чжися наконец остановился на нем. Этот взгляд был глубоким, в нем больше не было обычного спокойствия — лишь сложное, нечитаемое выражение. Словно он оценивал его или... понимал.

— Я отведу его к себе в комнату, там наверху тише, — неожиданно произнес Сюй Чжися ровным голосом, нарушив застывшую атмосферу гостиной.

Тетя Чэнь тут же кивнула:

— Да-да, идите, ребята, поиграйте наверху, не слушайте наши старушечьи разговоры. Чжися, позаботься о Сяо Де.

Се Хуайде хотел отказаться, но мать слегка подтолкнула его, подбадривая:

— Иди, Сяо Де, поиграй с Чжися.

Он поднялся, чувствуя себя деревянным и скованным. Сюй Чжися уже развернулся и молча направился к лестнице. Се Хуайде ничего не оставалось, кроме как плестись за его высокой, безмолвной фигурой.

Лестница была винтовой, устланной мягким ковром, так что каждый шаг был бесшумным. С каждым шагом Се Хуайде казалось, что он идет навстречу неизбежному приговору.

Он чувствовал близость Сюй Чжися — достаточно близко, чтобы ощутить чистый, прохладный аромат, такой же, как в школе.

Этот запах сейчас казался ключом, пытающимся отпереть закрытую дверь его памяти, но за ней слышалось лишь пустое эхо.

Сколько же он забыл? И почему он забыл именно это?

Комната Сюй Чжися находилась в конце коридора на втором этаже. Дверь открылась в просторное, чистое и пустое помещение без лишних вещей.

У стены стоял широкий письменный стол, на котором стопками лежали книги и документы, рядом — высокий книжный шкаф, до отказа забитый литературой. С другой стороны — двуспальная кровать с аккуратно заправленным одеялом. Цветовая гамма была выдержана в серых и белых тонах, создавая ощущение холодного порядка.

Сюй Чжися прошел в комнату, сел за стол и не предложил гостю присесть.

Се Хуайде остался стоять в дверях, не зная, входить или уйти. Воздух в комнате казался еще прохладнее, чем внизу. Поколебавшись, он все же шагнул внутрь и прикрыл дверь, отрезая себя от приглушенных звуков разговора внизу.

В комнате они остались одни, и стало так тихо, что он слышал собственное дыхание.

У Се Хуайде начала пульсировать голова, вероятно, из-за сильного напряжения внизу. Он

огляделся: помимо учебной литературы, на полках книжного шкафа стояло немало трудов по психологии и нейробиологии с довольно сложными названиями.

Его взгляд задержался на углу стола. Там лежал старый темный деревянный ящик, который совсем не вписывался в современный интерьер комнаты. Крышка была приоткрыта, и внутри виднелись мелкие металлические детали.

Неужели та самая сломанная модель?

Сердце Се Хуайде екнуло, но он быстро подавил в себе любопытство. Он не хотел спрашивать, да и не видел в этом смысла.

Сюй Чжися взял со стола недочитанную книгу, открыл на нужной странице и углубился в чтение, словно Се Хуайде в комнате не было.

Такое преднамеренное игнорирование было еще более унижительным, чем в классе. В школе у них хотя бы было формальное положение соседей по парте. А здесь кто они? Два незнакомца, которых старшие насильно свели вместе, имея общее прошлое, о котором помнит лишь один из них?

Се Хуайде подошел к окну, глядя на голые ветви деревьев. Голова все еще гудела, в груди было тяжело.

— Я не помню, — внезапно произнес он, нарушив тишину сухим, бесцветным голосом. Он не смотрел на Сюй Чжися, обращаясь словно к окну.

Шелест страниц прекратился.

— М-м, — отозвался Сюй Чжися — легко, без каких-либо эмоций.

— То, о чем они говорили, — Се Хуайде запнулся, почувствовав, как сжалось горло, — у меня нет об этом ни малейшего воспоминания.

Сюй Чжися закрыл книгу и поднял голову, глядя на спину Се Хуайде. Плечи того напряглись.

— Я знаю, — сказал Сюй Чжися. Его тон был спокойным, словно он констатировал давно известный факт.

Се Хуайде резко обернулся:

— Знаешь? Что ты знаешь?

Сюй Чжися смотрел на него без тени волнения:

— Знаю, что у тебя плохая память.

Эти слова упали в тишину, как камень в воду. Се Хуайде уставился на него, пытаясь найти в его лице что-то еще — насмешку или жалость. Но нет, выражение Сюй Чжися было таким же равнодушным, как если бы он говорил о погоде.

Он знает, возможно, куда больше, чем просто о плохой памяти. В голове Се Хуайде промелькнула догадка. Те лекарства, головокружения, провалы в памяти... Неужели Сюй Чжися тоже обо всем догадывался?

Это осознание вызвало у него приступ бессилия и раздражение от того, что его словно видели насквозь.

— Не нужно мне напоминать, — бросил Се Хуайде и снова отвернулся к окну.

Головная боль, казалось, усилилась. Он потер виски.

В комнате снова воцарилось молчание. Но теперь в нем было нечто иное — тяжелое и недосказанное.

Спустя некоторое время Сюй Чжися встал, подошел к книжному шкафу, достал с нижней полки папку и положил ее на стол.

— Программа и темы для отборочного тура олимпиады по физике, — его голос был ровным. — Учитель Ли попросил сделать для тебя копию.

Се Хуайде не пошевелился и не обернулся.

Сюй Чжися подождал несколько секунд, и, видя, что реакции нет, сел обратно в кресло и снова взял книгу.

Папка тихо лежала на краю стола — как безмолвное усилие извне (или, вернее, от самого Сюй Чжися) вернуть его на нормальный путь.

Се Хуайде смотрел на серое небо, чувствуя, как головная боль медленно разливается по всему затылку.

Этот визит оказался еще хуже, чем он мог себе представить.

<http://bllate.org/book/21841/2264372>